

РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ *RELIGIONS OF THE MODERN WORLD*

Ислам и коммунизм: две мечты, надежды и две судьбы

А.В. МАЛАШЕНКО*

*МАЛАШЕНКО Алексей Всеволодович — профессор, доктор исторических наук, руководитель научных исследований Исследовательского института “Диалог цивилизаций”. Адрес: 10117 Berlin, Germany, Französische Strasse 23., E-mail: AMalashenko@doc-research.org

Схожесть ислама и коммунизма видится в главном тезисе того и другого мировоззрения, а именно: утверждения о собственном безусловном превосходстве над всеми прочими идеологиями, моделями мироустройства, что *a priori* призвано гарантировать конечный успех в построении идеальной модели мироустройства. В коммунистической идеологии присутствуют элементы религиозности, то есть абсолютной веры в успех. Ислам же, который, в соответствии с его догмой, является *образом жизни*, ориентирован на решение мирских — социально-экономических и политических задач. Это делает возможным рассматривать его как общественный и политический фактор. И коммунизму, и исламу присуще отторжение чужих ценностей. Коммунисты изначально добивались своих целей самыми жестокими методами, что вполне сопоставимо с действиями исламских радикалов и экстремистов.

Ключевые слова: ислам, исламизм, коммунизм, большевики, религия, утопия, пророки.

DOI: 10.31857/S086904990010754-1

Цитирование: Малашенко А.В. (2020) Ислам и коммунизм: две мечты, надежды и две судьбы // Общественные науки и современность. № 4. С. 118–126. DOI: 10.31857/S086904990010754-1

Islam and Communism: two Dreams, Hopes and two Destinies

Aleksey V. MALASHENKO*

*Aleksey V. Malashenko – Full professor, Dr. Sci. (Histor. Sci), Chief Researcher of the Dialogue of Civilizations Research Institute gGmbH. Address: 23, Französische Str. Berlin, 10117, Germany. E-mail: AMalashenko@doc-research.org

Abstract. The similarity of Islam and communism consists in the fact that the basic thesis of their philosophy is the assumption of their indisputable priority on other ideologies as well as on any model of the society organisation what must lead *a priori* to the final triumph, to the creation of an ideal social model. The elements of religiosity, i.e. belief in the inevitable success present in the communist ideology. As to Islam who in accordance with its dogma is considered as *modus vivendi* it is oriented to searching the

solution of profane – social, economic and political problems. Both Islam and communism are characterised by the rejection of other values. From the beginning communists strive their goals using rough even cruel methods, compared with actions of Islamic radicals and extremists.

Keywords: Islam, Islamism, communism, bolsheviks, religion, utopia, prophets.

DOI: 10.31857/S086904990010754-1

Citation: Malashenko A.V. (2020) Islam and Communism: two Dreams, Hopes an two Destinies. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 118-126. DOI: 10.31857/S086904990010754-1 (In Russ.)

Сопоставление религии и коммунизма происходит с момента возникновения коммунистического учения. На эту тему рассуждали многие философы – от К. Маркса и Ф. Энгельса до отечественных мыслителей Н. Бердяева, Н. Лосского, К. Леонтьева, которые, будучи христианами, сравнивали коммунизм с христианством.

Схожесть ислама с коммунизмом выглядит рельефнее хотя бы по той причине, что ислам, обращенный на решение мирских, социальных и политических проблем, подобно коммунизму, предлагает идеальную модель устройства общества и государства. Ислам всегда позиционировал себя и воспринимался его адептами как *образ жизни*. Таковым он был и остается.

И коммунизм, и ислам, согласно их установкам, “обречены” на окончательный триумф. Разумеется, после краха Советского Союза вера в победу коммунизма стала достоянием недавней истории. Зато не были и не могут быть опровергнуты как религиозные догматы утверждения о преимуществах ислама над прочими цивилизациями и моделями устройства общества. Ведь в соответствии с исламской доктриной все человечество рано или поздно перейдет в ислам. Но эти убеждения не препятствуют проведению параллелей между коммунистической и исламской системами: аналогия возможна не только из-за схожести коммунизма на религиозный концепт, но также из-за политизации ислама, степень которой в последние десятилетия постоянно возрастает. Этот факт стоит принимать просто как данность, не придавая ей однозначно позитивной или негативной коннотации.

Коммунизм и ислам как две утопии

Коммунизм – светская утопия. Опирающаяся на исламскую традицию модель общества и государства – утопия религиозная. Коммунизм устремлен в будущее, пусть и далекое. Трудности при его построении всегда объяснялись сложностью задач, отсутствием необходимого опыта и умения – в советские времена было модно словосочетание “первопроходцы”. Кроме того, требовалось воспитание “человека новой формации” (что это такое, так и осталось непонятым). Одновременно жестко констатировалось, что возврата в прошлое нет и быть не может.

Иначе обстоит дело в исламе, где строительство “самой лучшей общественной модели” означает воссоздание идеала, сотворенного пророком Мухаммадом еще в VII в. Речь идет не о буквальном повторении ранней исламской истории. Никто из мусульманских идеологов и богословов не выступает против использования накопленного в немусульманском мире научного, технологического и прочего опыта. Пафос их призывов направлен на избавление исламской уммы от допущенных ранее ошибок, длящегося веками негативного влияния на нее западного, можно сказать, и евро-христианского мировоззрения как чуждого “истинному исламу”, от чуждых исламу элементов общественной и частной жизни. Иными словами, речь идет о возвращении на путь “истинного ислама”.

Всякая утопия принижает личность, убивает ее, поскольку нацелена на сотворение благополучия для всех, всеобщего счастья. Она зиждется на нерушимом приоритете общины,

государства над человеком, смыслом жизни которого провозглашается исключительно служение общему делу. И в коммунизме, и в исламе такой приоритет составляет сердцевину любой утопии.

Утопия, но в мягкой форме, была предложена Ф. Рабле в XVI в. в эпопее “Гаргантюа и Пантагрюэль”, где описано Телемское аббатство, в котором все решения принимались коллективно: “...кто-то говорил давайте потанцуем, и все танцевали...”. На жестком доминировании общего над частным строился и знаменитый “Город солнца” Т. Кампанеллы (XVII в.). В исламском мире подобные сочинения не были востребованы. Их место занимала “историческая память” об общине пророка, создававшего идеальный образ общественного устройства и боровшегося за его сохранение.

Во всякой утопии есть свои “несостыковки”. С одной стороны, она несет в себе черты нивелировки, уравниловки, которые критиковались в советской идеологии, провозглашавшей “от каждого по способностям, каждому по труду”. Осуществление в жизни истинно коммунистического лозунга “от каждого по способностям – каждому по потребностям” откладывалось до лучших времен. В исламе, наряду с равенством каждого мусульманина перед Аллахом, содержится тезис о том, что праведность может различаться, а истинно праведный должен не только соблюдать религиозные обряды, но и совершать практические действия – трудиться, сражаться во благо ислама и мусульман, добиваться рая на небе деятельностью на земле (что созвучно христианскому реформаторству). С другой стороны, несмотря на тезис о “всеобщем равенстве”, свойственный и коммунизму, и исламу, люди дифференцировались по принципу служения общине и высшей идее. Попутно замечу, что если доктрина коммунизма предполагала, что по достижении его “не будет ни бедных ни богатых”, то в исламе эта разница сохраняется.

Важно и следующее: «Тот факт, что слово “утопия” в политизированном общественном мнении связывается с “беспочвенным” фантазированием, не отменяет ее революционной силы» [Люсый 2013, с. 35–36]. К тому же утопистам – коммунистическим и исламским – присуща ловкость “дозирования” прагматизма и фантазии, что, несомненно, способствует их популярности в обществе.

Вера в светлое будущее подразумевает обязательный мессианизм, каковой присутствует как в коммунистической, так и в исламской идеологии и практике. Правда, коммунистическое мессианство более зыбко и менее успешно, чем исламское. Оно отсылало к мессиям-людям – Марксу, Ленину и пр. Систематически требовались доказательства правоты подобных мессий, ибо они в глазах некоторых последователей совершали ошибки и потому могли подвергаться критике. С “обыкновенным” человеком-мессией можно спорить, если его мысли кажутся непонятными, даже сомнительными. Мессианство же пророка Мухаммада абсолютно и не может быть оспорено. Ведь Мухаммад послан Аллахом, а усомниться в правоте Аллаха – значит перестать быть мусульманином (что, между прочим, карается смертью).

В коммунизме, с точки зрения утверждения абсолютной истины, нет аналога Корану. Ближе всех к священному тексту можно отнести “Капитал” Маркса. Но он слишком приземлен, сложен (если не сказать больше) для массового восприятия, и на него невозможно ссылаться в любых, в том числе житейских, ситуациях. Что касается справедливого правления, то в коммунизме оно означает “народовластие”. Однако, как показала история XX в., при реальной коммунистической системе (советской, китайской полпотовской и пр.) это понятие оборачивается беспощадной диктатурой.

В исламе же справедливое правление ассоциируется с деятельностью пророка Мухаммада, а также с полномочиями четырех праведных халифов. Праведные халифы сравнимы с “праведными коммунистами”. Первые, несмотря на разную интерпретацию их деятельности в мусульманском богословии, признаваясь продолжателями заповедей пророка, в конечном счете были политиками, со всеми их придворными интригами.

Трое из них погибли в ходе развернувшихся после кончины Мухаммада в 632 г. политических распрей. Тем не менее их праведность не подвергалась сомнению. А “проповедники истинного коммунизма” зачастую критиковались за ошибки, за искажение веры, то есть марксизма. И нередко погибали от рук своих оппонентов.

В коммунизме нет аналога шариату, но тем не менее, с ним сопоставим существовавший в СССР “кодекс строителей коммунизма”, который регламентировал общественную и личную жизнь человека. Различия между ними огромны, особенно, если принять во внимание существование в Коране запретов и наказаний за их нарушения. Ничего подобного в Кодексе и развернувшейся вокруг него пропаганды не было и быть не могло. Однако пафосность, разъяснение того, каким должен быть истинный мусульманин и/или настоящий коммунист, все же схожи.

Сравнивая коммунистическое и исламское мессианство, интересно обратить внимание на одно, на первый взгляд незначительное, но все же показательное обстоятельство, а именно – известную схожесть фразеологии их проповедников и просто пропагандистов. Так, неизбежные постоянные цитаты из классиков марксизма (среди ученых отсылки к ним именовались “отче наш”) можно уподобить цитированию коранических аятов и хадисов Сунны.

“Отречемся от старого мира”, “мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем” – не просто строфы коммунистического гимна, это, по сути, заглавные идеологические тезисы коммунизма, что-то вроде исламского “бисмилла...” (“во имя Аллаха всемогущественного и милосердного...”). “Великая Октябрьская социалистическая революция, – записано в программе Коммунистической партии Советского Союза, – стала переломным событием всемирной истории, определила генеральное направление и основные тенденции мирового развития, положила начало необратимому процессу – смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией” [Программа... 1986, с. 7]. Эта цитата вполне сопоставима с отрывком из Завещания аятоллы Хомейни, где записано, что “ислам и исламское правление – это божественное явление, следование которым в высшей степени обеспечивает человеку и его потомкам счастье в этом и загробном мире” [Завещание... 1992, с. 11]. А оценка Хомейни Исламской революции в Иране практически идентична оценке Октябрьской революции 1917 г. в официальной советской идеологии.

Авторитетнейший идеолог исламизма Сейид Кутб назвал одну из своих программных книг “Будущее принадлежит этой вере” (“Аль мустакбаль ли хезе ад-дин”). В другом труде “Исламская социальная справедливость” он писал, что “ислам есть то, что дано Творцом, который создал это бытие и его законы, мир в котором происходит исторический прогресс, включающий прогресс социальный, экономический и идейный” [Кутб 1974, с. 17].

Современный исламский мыслитель Сейид Мухаммад Накыб аль-Атмас, которого нельзя заподозрить в “радикальности”, писал, что “изменение, развитие и прогресс в их подлинном смысле означают для нас целенаправленное, сознательное движение в направлении истинного ислама...” [аль-Атмас 2001, с. 45]. Такого рода высказывания можно обнаружить в многочисленных трудах исламских идеологов и выступлениях мусульманских политиков, даже тех, кто *de facto* поддерживают принцип светского государства, но не рискуют отказаться от обязательного подкрепления своих идей ссылками на религиозные тексты. Они не могут себе позволить такое отступление от принятого канона из-за опасения вызвать недовольство общества.

Проект конституции исламского государства, предложенный основателем радикальной партии Хизб ут-Тахрир Набхани, гласил, что ислам утвердится во всем немусульманском мире [Rashid 2002, с. 117–118]. Эта партия была основана в 1954 г., но она и поныне влиятельна в Центральной Азии.

В таком контексте возникшее в конце XXI в. панисламистское движение с целью объединения всех мусульманских стран и народов можно уподобить мировому коммунизму, своего рода “панкоммунизму”. Идея его формирования была составной частью советской

идеологии и за ее реализацию долго, хотя и безуспешно, боролся СССР – от Коминтерна до объединения стран Варшавского договора. “Панкоммунизм” провалился, а вот панисламизм, чаще в радикальном варианте, остается фактором глобальной политики.

Схожесть между исламом и коммунизмом

Ислам и коммунизм сходятся в неприятии иных ценностных систем, что может транслироваться в ксенофобию. Объектом ксенофобских настроений в обоих случаях оказывается Запад. Во времена Советского Союза ислам отторгал коммунизм, но затем антикоммунистическая тема там практически сошла на нет. Так, гонения на уйгуров Китая связываются не с коммунизмом, а с великоханьским национализмом. Для правых Запад суть память о колониальных временах, последующей зависимости, что, по их мнению, задерживало развитие мусульманского мира, способствовало его деградации, в частности отходу от некоторых исламских нормативов.

Во времена коммунизма неприязнь СССР к Западу шла, во-первых, от принципиальной несовместимости коммунистической и “капиталистической” идеологий. Во-вторых, из-за военно-политического противостояния между коммунистическими (социалистическими) странами и движениями (западные страны воевали против России, Китая, Кореи, Кубы, Вьетнама). В-третьих, нельзя забывать тот факт, что Россия и сама была *de facto* частью Запада, хотя и не успела стать с ним вровень. Не могло не сказаться вечное отставание от Запада, догнать который было невозможно.

В исламе Запад ассоциировался с христианством, которое многими богословами и идеологами мусульманства, например тем же Сейидом Кутбом, определялось как “интуитивная догма, сама по себе находящаяся в изоляции от реальной человеческой жизни” [Кутб 1993, с. 3–4]. Между прочим, почти схоже с исламским фундаменталистом характеризовал христианство и Маркс, чьи социальные принципы “превозносят трусость, презрение к самому себе, самоуничижение, смирение, покорность, все качества черни...” [Маркс 1955, с. 205].

З. Фрейд писал: “Если вместо религиозной появится какая-либо иная связь, объединяющая массу, как это сейчас, по-видимому, удастся социализму, в результате возникнет та же нетерпимость к вносящим, как и во времена религиозных войн, и, если бы разногласия научных воззрений могли когда-нибудь приобрести для масс подобное же значение, такая мотивировка увенчалась бы тем же результатом” [Фрейд 1991, с. 98]. В том же ключе рассуждал и Н. Бердяев: “...у русских особенную силу приобретает религия революционного социализма..., пленяющая равенством, справедливостью и всемирным торжеством окончательной социальной правды и социального рая” [Бердяев 2007, с. 597].

В таком контексте идеологию коммунизма при желании можно считать некой светской экстраполяцией ислама на отношения между Востоком и Западом.

Наконец, хотя кому-то это может показаться слишком натянутым, приведу еще одну, на мой взгляд, допустимую аналогию между исламским и коммунистическим (речь идет о Советском Союзе) мирами – непреходящая, случайная зависимость их экономики, успеха и благополучия, а следовательно, политических амбиций, от сырья. “Нефть разбудила заснувший ислам... Индустриальные державы зависимы от зарубежного поставщика – ислама” [Gallois 1995, с. 61]. В мусульманском, прежде всего в арабском, мире принято считать, что углеводороды есть своего рода “дар божий”. В СССР любили повторять, что “природа наделила нашу страну огромными богатствами...”. По сути, и то и другое намекало на веру в фатальность своего успеха.

Рассуждая о схожести коммунистической идеологии и практики с исламской, небезынтересно также познакомиться с отношением коммунистов мусульманских стран к исламу. Возникавшие после российской революции 1917 г. на мусульманском Востоке, ранее всего среди арабов, коммунистические группы ислам игнорировали, хотя бы по той причине,

что, во-первых, их основателями были выходцы из иномусульманской, иноэтнической среды – христианской, иудейской, а во-вторых, их активность, в подражание большевистским установкам, ориентировалась на городские слои, в первую очередь на пролетариат, который, в отличие от большей части местного общества, был сравнительно менее связан к религиозной традиции.

Главной целью “восточного коммунизма”, стало освобождение от колониальной зависимости и построение независимого национального государства. Это соответствовало принципам большевистской идеологии, которая считала мусульманские народы естественными союзниками советской России в борьбе против капитализма и колониализма. В обращении “Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока” (ноябрь 1917 г.) сказано: “Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно”... “Ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными” (цит. по [Малашенко 1998, с. 44]). Тут просматривается не только терпимость, но даже заинтересованность раннего большевизма во взаимодействии с исламом.

На арабском Востоке появлению коммунистической идеологии предшествовала национальная социалистическая традиция, в становлении которой огромную роль играли и выдающиеся деятели исламской “реформации” [Косач 2001, с. 23]. Кроме того, движение национального освобождения зачастую происходило под лозунгом джихада, и ислам оказывал большое влияние в мусульманском мире.

Силу этого влияния недооценили коммунисты, поглощенные собственной верой. В результате игнорирование коммунистами ислама оказалось одной из главных причин того, что они не смогли создать сколько-нибудь широкую массовую базу для своего движения – ни тогда, ни впоследствии. Тем более, что в 1929 г. в Египте возникла организация “Братья-мусульмане”, призывавшая к борьбе за независимое национальное, а фактически – исламское государство. Взывая к социальной справедливости, “Братья-мусульмане” апеллировали к исламской традиции, что обеспечивало им широкую поддержку. В конечном счете исламисты (а “Братья” были первой в XX в. исламистской организацией) стали одной из ведущих политических сил мусульманского мира, тогда как коммунисты остались в нем вечными маргиналами.

Много позже, после Второй мировой войны, коммунисты перестали игнорировать ислам, а к протестному исламскому движению даже начали относиться как к потенциальному союзнику. “Нам нужно создавать то, что называется левым исламским направлением, готовить для него кадры, соответствующие исламские идеи, распространять их и помочь этому направлению сформироваться в движение”, – писал в конце 1980 г. арабский коммунистический журнал “Ан-Нахдж” [Политические... 1989, с. 40]. А в 1981 г., на XXVI съезде КПСС, Л. Брежнев и вовсе сказал, что “под лозунгами ислама могут разворачиваться прогрессивные явления” [Материалы... 1981, с. 13], тем самым представляя мусульманское движение как часть антикапиталистических сил. В то же время попытки СССР в некоторых мусульманских странах инкорпорировать марксистские идеи в сознание и идеологии правящих элит успеха не имели.

Эти попытки заставляют вспомнить политику большевиков по отношению к исламу в первые годы советской власти. Тогда взаимоотношения между мусульманами и коммунистами строились на взаимопонимании. В мусульманских регионах СССР коммунисты из числа местного населения поначалу не отказывались от своей религиозной идентичности, да власть их к этому не принуждала. Примеров тому в избыточном количестве можно встретить в документах партийных и административных органов. В 1920-е гг. в коммунистической печати при аргументации официального политического курса авторы нередко ссылались на коранические аяты и хадисы Сунны. Однако по мере укрепления советской власти преследование религии резко усилилось. В исламе, как и в православии, была разрушена система религиозного образования, ограничения касались и распространения религиозной литературы. Было закрыто подавляющее большинство церквей и мечетей, чинились препятствия в соблюдении обрядов.

В то же время гонения на ислам в Средней Азии и на Кавказе были менее жестки, нежели антирелигиозная политика в других регионах страны. Официальный атеизм боролся с религией, но тезис о том, что исламская традиция не обязательно враждебна коммунизму, сохранял свою актуальность. Важное значение имело то, что ислам исповедовали этнические меньшинства, и антирелигиозные меры могли восприниматься мусульманским населением как запреты на соблюдение этнокультурной традиции, что было чревато конфликтами на этнорелигиозной почве. В Кремле не забывали и о принявшем форму джихада басмаческом движении 1920-х гг., и о периодической активизации национальных движений на Северном Кавказе (в Чечне оно продолжалось вплоть до 1940 г.).

Спустя десятилетия парадоксальной, на первый взгляд, схожестью коммунизма и ислама стала выросшая за годы советской власти индифферентность и к тому, и к другому. В одном случае она выражалась в растущем неверии в идеалы коммунизма, символом второй стал отказ от строгого соблюдения религиозной традиции.

После крушения советской власти коммунистическая утопия практически истаяла, ислам же обрел второе дыхание. Как и в остальной мусульманской умме, в России осталась вера в обустройство общества в соответствии с исламской традицией. В исламе повсеместно усилился протестный потенциал. И сегодня, когда говорится о месте ислама в глобальной политике, под ним имплицитно подразумевается исламизм. И было бы логично отметить схожесть коммунизма как общественно-политической практики именно с исламизмом, ставшим одной из главных “демонических”, дестабилизирующих ситуацию в мусульманской умме, да и во всем остальном мире, сил. Ведь именно так совсем недавно воспринимался многими и коммунизм.

Подобие черт коммунизма и исламизма отчетливо проявляется при сравнении политических практик. Речь идет о радикальных и экстремистских версиях исламизма, которые имеют много общего с советским большевизмом, маоизмом, полпотовщиной в Кампучии, диктатурой семьи Ким в КНДР. Так что иногда встречающееся в публикациях выражение “зеленый коммунизм” вполне оправдано. Экстремистская интерпретация джихада во многом созвучна идее мировой революции, которую проповедовали советские, да и не только, вожди. Джихад можно уподобить и бескомпромиссной классовой борьбе, которая, как и джихад, должна была увенчаться разгромом всех врагов, кем бы они ни были [Маркедонов 2005].

Отсюда крайняя нетерпимость к любому инакомыслию, ненависть ко всем, кто не разделяют твоих убеждений, которых исламистские экстремалы именуют общим словом “кяфиры”, то есть неверные. В большевизме это было изначально созвучно слову “контрреволюционеры”, позже появилась целая парадигма “врагов” – антикоммунистов, антисоветчиков, диссидентов. И у исламистов, и у коммунистов мир четко поделен на своих и врагов, против которых борьба может и должна вестись самыми жесткими методами. В качестве иллюстраций можно сослаться на уничтожение мирного населения Ибн абд аль-Ваххабом в XVIII в., и на действия Исламской армии Алжира в 1990-е гг., и на преследования в СССР духовенства, кулаков и прочих “антисоветских элементов”, и на геноцид собственного народа режимом Пол Пота, и прочее, и прочее.

И для коммунистов, и для исламистов исключительное значение имеет построение своего, основанного только на “единственно верных принципах” государства. При этом и тем и другим свойственна его фетишизация, а цена его построения может быть любой. “Невозможно отделить религию от государства”, – писал арабский философ Наджиб аль-Киляни [Киляни 1947, с. 11]. “Можно ли следовать Исламу, возрождать исламский образ жизни и поднять исламский призыв и джихад на мировой уровень без Исламского государства?” – говорится в листовке радикальной партии Хизб ут-Тахрир [Пономарев 1999, с. 34].

Опыт строительства коммунистами своего государства (в том числе советского, особенно в 1920–1930-е гг. на его, так сказать, “большевистской” стадии) сравним с возникшим

во втором десятилетии ХХI в. Исламским государством – Всемирным халифатом. Конечно, их нельзя считать “близнецами-братьями”, но в методах их построения есть немало общего, хотя только Исламское государство признано в России запрещенной организацией.

Как пишет социолог Сейла Бенхабиб, «... поиски “чистоты” – будь то мечтания нацистов прошлого века о расовой чистоте или современные мечты о “подлинном исламе” – обречены на поражение, хотя и не раньше, чем они принесут множество бед, человеческих страданий, нестабильность и страх» [Бенхабиб 2002, с. 222]. И это высказывание вполне применимо к практике и идеологии коммунизма.

* * *

Сравнение ислама и коммунизма (которое может показаться провокационным) не должно обижать ни верующих, ни последователей светского учения. Компаративистика при всех ее неожиданных поворотах остается одним из главных аналитических приемов. Коммунизм демонстрировал себя как квазирелигиозное учение, а ислам, в первую очередь его исламистское направление, все больше трансформируется в идеологию. У коммунизма и ислама разные судьбы. Коммунистический миф рассеялся, а идея возврата в “истинный” ислам останется актуальной навсегда. Она будет существовать вечно, ибо в основе ее лежит традиция всей мусульманской цивилизации и, наконец, главное – вера.

И самое последнее замечание, если угодно, *post scriptum*. Сравнивая ислам и коммунизм, идеология которого дольше всех в мире просуществовала в Советском Союзе и рудименты которой присутствуют в постсоветской России, поневоле обращаешь внимание на схожесть ислама уже с русской традицией, с русским образом мышления. Уместно сослаться на известного российского политика и аналитика В. Суркова, который писал: русским “покосившийся забор, дурная дорога, сор в ближайшей подворотне видится смутно. Зато светлая даль, миражи на горизонте известны во всех подробностях. Уделяя больше внимания желаемому, чем действительному, такой взгляд на вещи приводит к поискам единственной правды, высшей справедливости” [Сурков 1993, с. 9–10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- аль-Аттас Сейид Мухаммад Накыб (2001) Введение в метафизику ислама. М.: Институт исламской цивилизации; Куала Лумпур: Международный институт исламской цивилизации.
- аль-Кияни Наджиб (1947) О религии и государстве (Хауля ад-дин ва ад-дауля (араб. яз.)). Бейрут-Лондон: Изд. “Дар ан-Накаш”.
- Бенхабиб Сейла (2002) Притязания культуры. М.: Логос.
- Бердяев Н.А. (2007) Религиозные основы большевизма. Из религиозной психологии русского народа // Падение священного русского царства: публицистика 1914–1922 г. М.: Астрель, Окава.
- Завещание имама Хомейни (1992) Баку: Независимый информационный центр ТАВХИД.
- Косач Г.Г. (2001) Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 1920–1930-е годы. М.: Институт стран Азии и Африки при МГУ.
- Кутб Сейид (1993) Будущее принадлежит исламу. М.: ТОО “Сантлада”.
- Кутб Сейид (1974) Социальная справедливость в исламе (Аль-‘идаля аль-иджима’ийа ислямийа (араб. яз.)). Бейрут: Дар аш-шурук.
- Люсый А. (2013) Парад утопий. СПб.: Нестор-История.
- Малашенко А. (1998) Исламское возрождение в современной России. М.: Московский Центр Карнеги.
- Маркедонов С. (2005) “Зеленый коммунизм” как угроза российскому государству // Известия, 1 декабря.
- Маркс К. (1955) Коммунизм газеты “Reihnisher Beobachter” // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 195–208.
- Материалы XXVI съезда КПСС (1981) М.: Политиздат.
- Политические и религиозные движения в арабском мире (аль-харакат ас-сийсийа ва ад-диннийа фи аль-алям аль-арабий (араб. яз.)) (1989) // Ан-Нахдж. №25. Дамаск, Никозия.

- Пономарев В. (1999) Ислам Каримов против “Хизб ут-Тахрир” М.: Правозащитный центр “Мемориал”, Информационный центр по правам человека в Центральной Азии.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза (1986) М.: Политиздат.
- Сурков В. (2007) Русская политическая культура. Взгляд из утопии. М.: Изд. “Независимая газета”..
- Фрейд З. (1991) Массовая психология и анализ человеческого “я” // Фрейд З. “Я” и “ОНО”. Труды разных лет. Книга 1. Тбилиси: Мерани. С. 71–138.
- Gallois Pierre-Marie (1995) *Le soleil d'Allah aveugle l'Occident*. Lausanne: Editions L'Age d'Homme.
- Rashid Ahmed (2002) *Jihad: The rise of militant Islam in Central Asia*. New Haven: Yale Univ. Press.

REFERENCES

- Al-Attas Seiyd Muhammad Naqib (2001) *Vvedenie v metafiziku islama* [Introduction to the Islamic Metaphysic]. Moscow: Institut islamskoi tsivilizatsii, Kuala Lumpur: International Institute of Islamic Civilisation (in Russ.).
- Al-Kilani Nadjib (1947) *About Religion and State (Khaulia ad-din va ad-daulia* (arab. iaz.)). Beyrut, London: ān-Nakkach Publishing House. (in Arabic).
- Benhabib Seyla (2002) *Pritiazaniia kul'tury* [The Claims of Culture]. Moscow: Logos (in Russ.)
- Berdiaev N.A. (2007) *Religioznye osnovy bol'shevizma. Iz religioznoi psikhologii russkogo naroda* [Basis of the Bolshevism. About Religious Psychology of the Russian People]. *Padenie sviashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika 1914–1922 g.* [The fall of the Holy Russian Kingdom: journalism 1914–1922]. Moscow: Astrel', Okava (in Russ.).
- Freud Z. (1991) *Massovaya psikhologiya i analiz chelovecheskogo “ya”* [Massenpsychologie und ich-analyses. In “I” and “IT”]. Freud S. “Ya” i “ONO”. *Trudy raznykh let. Kniga 1*. Tbilisi: Merani (in Russ.).
- Gallois P.-M. (1995) *Le soleil d'Allah aveugle l'Occident*. Lausanne: Editions L'Age d'Homme.
- Kosach G.G. (2001) *Krasnyi flag nad Blizhnim Vostokom? Kompartii Egipta, Palestiny, Sirii i Livana v 20 – 30-e gody* [The Red Flag above the Middle East? Communist Parties of Egypt, Palestine, Syria and Lebanon in the 20-30s]. Moscow: Institut stran Azii i Afriki pri MGU (in Russ.).
- Liuciy A. (2013) *Parad utopii* [The Parade of Utopias]. St.-Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russ.)
- Malashenko A. (1998) *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoy Rossii* [The Islamic Revival in the Contemporary Russia]. Moscow: Carnegie Center Moscow (in Russ.)
- Markedonov S. (2005) “*Zeleniy kommunizm*”, *kak ugroza rossiyskomu gosudarstvu* [“The Green Communism” as a Threat to the Russian State]. *Izvestiya*. 1 December (in Russ.)
- Marx K. (1955) *Kommunizm gazety “Reihnisher Beobachter”* [Communism of the Newspaper “Reihnisher Beobachter”]. K. Marx, F. Engels *Sochineniya. Vol. 4* [Compositions]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 195–208 (in Russ.)
- Materialy XXVI s"ezda KPSSS* (1981) [Contents of the Political Bureau of the XXVI Congress of the CPSU]. Moscow: Politizdat (in Russ.)
- The Political and Religious Movements in the Arab World (1989) *An-Nahdj* №25. Damascus, Nicosia (in Arabic).
- Ponomarev V. (1999) *Islam Karimov protiv “Khizb ut-Tahrir”* [Islam Karimov against “Hisb ut-Tahrir”]. Pravozaashchitnyi tsentr “Memorial”, Informatsionnyi tsentr po pravam cheloveka v tsentral'noi Azii (in Russ.)
- Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza (1986) [The Program of the Communist Party of the Soviet Union] Moscow: Politizdat (in Russ.).
- Qutb Seyyid (1993) *Budushchee prinadlezhit islamu* [The Future belongs to Islam]. Moscow: TOO “Santlada” (in Russ.)
- Qutb Seyyid (1974) *The Social Justice in Islam*. Beyrut: Publishing House “Darash-Shuruq” (in Arabic).
- Rashid A. (2002) *Jihad: The rise of militant Islam in Central Asia*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Surkov V. (2007) *Russkaya politicheskaya kul'tura. Vzglyad iz utopii* [The Russian Political Culture. The Glance from Utopia]. Moscow: Izd. “Nezavisimaya gazeta” (in Russ.)
- Zaveshchanie imama Khomeyni (1992) [Testament of Imam Khomeini]. Baku: Nezavisimyy informatsionny tsentr TABKHID [Independent Information Center TABKHID] (in Russ.).